

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-2-199-211

О перспективах и прогрессе в философии

Рец. на кн.:

**Кротов А. А. Философия истории философии во Франции
(проблема закономерностей в развитии интеллектуальной культуры).
М.: Изд-во МГУ, 2018. 479 с.**

Г. В. Драч, Е. И. Шашлова

*Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия*

Аннотация

Дана развернутая оценка анализа методологических проблем истории философии, осуществленного в книге А. А. Кротова «Философия истории философии во Франции (проблема закономерностей в развитии интеллектуальной культуры)» (М.: Изд-во МГУ, 2018). В качестве одной из особенностей, определяющей специфику этой книги, указано на то, что это первое русскоязычное обобщающее осмысление истории французской философии, рассмотренной как феномен интеллектуальной культуры Франции на протяжении от раннего Нового времени, вплоть до наших дней. При этом главное внимание уделено выявлению и анализу в рецензируемой книге Кротова закономерностей развития интеллектуальной культуры во Франции рассматриваемого исторического периода. И основным результатом этого анализа состоит в том, что А. А. Кротову удается убедительно показать, как концепции французских философов встроены в интеллектуальную историю Франции. Отмечена неприемлемость для Кротова распространенной сегодня позиции согласия со смертью философии. В качестве главного достоинства рецензируемой книги отмечено то, что в ней французская история философии предстает как осуществляемая самой философией концептуальная самооценка.

Ключевые слова

Франция, интеллектуальная культура, философия, история философии, философия истории философии

© Г. В. Драч, Е. И. Шашлова, рец., 2019

Для цитирования

Драч Г. В., Шаилова Е. И. О перспективах и прогрессе в философии. Рец. на кн.: Кротов А. А. Философия истории философии во Франции (проблема закономерностей в развитии интеллектуальной культуры). М.: Изд-во МГУ, 2018. 479 с. // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 2. С. 199–211. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-2-199-211

On the Prospects and progress in Philosophy

Review of the book:

Krotov A. A. Philosophy of the History of Philosophy in France

(The Problem of Laws in the Development of Intellectual Culture)

Moscow, State University Publ., 2018, 479 p.

G. V. Drach, E. I. Shashlova

Southern Federal University

Rostov on Don, Russian Federation

Abstract

A detailed assessment of the analysis of methodological problems of the history of philosophy is given, which is essential in A. A. Krotov's book "Philosophy of the history of philosophy in France (the problem of laws in the development of intellectual culture)" (Moscow: Moscow state University Publ., 2018). As one of the features that determine the specificity of this book, it is indicated that this is the first Russian-language generalizing understanding of the history of French philosophy, considered as a phenomenon of intellectual culture of France from the early Modern to the present time. At the same time, the main attention is paid to the identification and analysis in the reviewed book of Krotov of the laws of the development of intellectual culture in France of the considered historical time. And the main result of this analysis is that Krotov manages to show convincingly how the concepts of French philosophers are embedded in the intellectual history of France. Marked by unacceptable for Krotov prevalent today positions the consent with the death of philosophy. As the main advantage of his book under review, it is noted that the French history of philosophy is presented as a conceptual self-assessment carried out by philosophy itself.

Keywords

France, intellectual culture, philosophy, history of philosophy, philosophy of history of philosophy

For citation

Drach G. V., Shashlova E. I. On the Prospects and Progress in Philosophy. Review of the book: Krotov A. A. Philosophy of the history of philosophy in France (the problem of laws in the development of intellectual culture). Moscow, State University Publ., 2018, 479 p. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 2, p. 199–211. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-2-199-211

Истории философии во Франции посвящено немало отечественных исследований. Большую часть из них представляют монографии о творчестве отдельных авторов. Переведены ключевые классические тексты французских авторов. В отечественных научных исследованиях французской истории философии можно выделить два вектора. Прежде всего, исторические исследования французской философии от Декарта до настоящего времени. Среди них приобрели известность работы, посвященные Декарту, Дидро, Руссо, Вольтеру, в особенности – Анри Бергсону, Сартру, Камю. Не осталась незамеченной монография А. А. Кротова «Мальбранш и картезианство» [2012]. Но, если выделить анализ методологических проблем истории философии в работах французских авторов, то здесь картина иная – методология истории философии часто не входит в историко-философское содержание университетских курсов и учебников, к такого рода проблемам обращаются лишь в отдельных специализированных работах, в частности, И. И. Блауберг [2013]. Но обобщающих работ в данной области до публикации рецензируемой монографии А. А. Кротова [2018] не было.

Анализируемая работа открывает широкое пространство осмысления философии как истории философии и как феномена интеллектуальной культуры Франции. Нет нужды говорить о трудностях академического порядка, которые должен был преодолеть автор, прежде всего об огромном числе анализируемых работ, многообразии и разнотипности представляемых ими концепций и подходов. Но значение проведенного А. А. Кротовым исследования трудно переоценить и в социально-культурном плане: ни в одной стране, пожалуй, мнение интеллектуалов не имело такового воздействия на общественные настроения и политические события, как во Франции. Однако оговоримся сразу, автор избегает прямых социально-

политических редукций и сопоставлений. Его интересует гораздо более интересное и значительное: прикоснуться к потаенному, обнажить закономерности в развитии интеллектуальной культуры – вот цель, которую он перед собой ставит. При этом, помимо обстоятельного рассмотрения философских концепций ключевых авторов, стоит упомянуть и общенациональную специфику историко-философских исследований во Франции, не оставленную А. А. Кротовым без внимания. Например, можно поставить вопрос о самостоятельности методологических стратегий французских историков философии по отношению к немецкой мысли. Однако отнесение французской философии к континентальной традиции не только не решает частные вопросы национальных философий, но и приводит к заблуждению в вопросе о единстве европейской истории философии.

А. А. Кротов ставит целью проанализировать закономерности в развитии интеллектуальной культуры во Франции, обращаясь к французской истории философии. Причем автор входит в мыслительное пространство прошлого, оставаясь аутентичным содержанию анализируемых учений. Соответственно, он ставит вопрос: какие же цели преследовали французские исследователи «философии истории философии»? Этих целей множество: определение автономности философии от других областей знания, анализ историчности знания, поиск универсальных путей развития мысли и т.п. Они могли иметь разные историко-философские обоснования, так как не все авторы были уверены в том, что история философии представляет собой целостный процесс развития знания, который имеет место от древнегреческих истоков до сегодняшнего дня. Первоочередной оставалась и проблема прогресса в истории философии. Некоторые же современные историки философии утверждают, что история философии завершена. В связи с этим, при чтении той или иной монографии по истории философии важно определить, какой цели служит исследование автора: обозначить закономерности в трансформации философских традиций или продемонстрировать разрывы между традициями и неявные детерминации историко-философского процесса?

В монографии А. А. Кротова явно превалирует первое значение. Автор начинает с обращения к Декарту и Мальбраншу, позволяющего обрисовать

некоторую формирующуюся историко-философскую и культурную парадигму. Поиски правильного метода резюмируют интеллектуальную революцию XVII в. с ее скепсисом и борьбой со схоластизированным аристотелизмом. Опровержение господствующей в университетах философии, скептическое отношение к античной философской традиции, споры о возможностях и ограниченности человеческого разума – это вопросы интеллектуальной истории, которые для историко-философских исследований выливаются в некоторую методологическую интенцию, продуцируемую вопросом о существовании прогресса в истории философии. Такого рода вопросы рассматриваются во Введении (с. 9–29).

Поставленные вопросы формируют пространство французской философии в XVIII и XIX вв. и реализуются в конкретных историко-философских практиках классификации и систематизации. В XX в. закладывается новая модель – интуитивизма, католического модернизма. Что касается века Просвещения, то основные персоналии известны: Руссо, Ламетри, Гельвеций, Кондильяк, Дидро, и тем не менее их взгляды на историко-философский процесс изложены автором свежо и оригинально. А знакомство с Деландом, предоставленное в монографии, открывает много нового. То же относится и к Дютену. Обращение к XIX в. открывают Дежерандо (между идеологией и сравнительной философией) и Мен де Биран (от примирения философских систем к новой антропологии). На смену историко-философским классификациям приходит систематизация, с использованием методов – эклектизма, психологии, спиритуализма. Позитивизм, ставящий своей целью создание «научной философии», демонстрирует уверенность в интеллектуальном прогрессе, характерном для XIX в. Интересно показаны в монографии воззрения Ипполита Тэна, которого автор справедливо считает относящимся к историкам философии.

Прочтение глав I и II наводит на методологические размышления, которые целесообразно сопоставить с рядом положений Предисловия, которые в этом случае выступают не как предварительные декларации, а как работающие принципы. Человеческий опыт, как и история философии, не завершен. Поэтому один из основных вопросов, фундирующих исследова-

ние, звучит следующим образом: «Но все же, в какой мере прошлое философии позволяет спрогнозировать будущее?» (с. 6). Специфическим каркасом французской истории философии выступают интеллектуальная история и культурные эпохи Франции. Речь идет о логике, о закономерностях и тенденциях интеллектуальной истории. Последнее предполагает, что самосознание эпохи и культуры будет выражено не только в теориях, но и в мировоззренческих позициях, позволяющих выделить черты культуры в целом (с. 7). Как указывает автор, несмотря на имеющиеся первые попытки описания истории философии в период Нового времени, лишь в XIX столетии появляются критические исследования, не направленные на систематизацию учений прошлого для оправдания собственной системы. Но с XVII в. французская история философии обращается к определению автономности философии, ее отличий от других областей знания. И тут же возникают вопросы об историчности знания, поиске универсальных путей развития мысли и т. п. Искания заполняют целые века и жизни многих поколений. Эти цели могут иметь разные историко-философские следствия, так как не все авторы были уверены в том, что история философии представляет собой целостный процесс развития знания, от древнегреческих истоков до сегодняшнего дня. Тогда тем более злободневен вопрос, которым автор заключает свое исследование. Какова линия будущего, применимо ли представление о философии как о непрерывно возобновляемом опыте для наших представлений о месте философии в современной культуре?

Современная французская мысль сталкивает нас с проблемой конца философии, ее смерти: «философски исследуя историю философии, почти все наши современники готовы признать: сия история вступила в пору (быть может, нескончаемую) своего завершения» (Бадью). Эта проблематизация конца философии, описанная Аленом Бадью, в конечном счете призывает нас отказаться от историцизма в пользу вневременной истины. Но не только эта стратегия имеет место в постановке вопроса об истинном познании философии в контексте ее истории. Как писал Поль Рикёр, «нет такого историка философии, который не впадал бы в уныние, заглядывая в бездну мелькающих перед ним разночтений; и, тем более, нет такого фи-

лософа, который не приходил бы в возбуждение, предвкушая всеислие обретаемой истины, которая в мгновение ока отменяла бы историю...» [2002. С. 59]. Сегодня нельзя ответить на вопрос «что такое философия?», минуя вопрос «что такое история философии?». Философия истории философии, являясь одной из важнейших областей актуальных философских дискуссий, находится в русле данных вопросов.

А. А. Кротову удается убедительно показать, как концепции французских философов встроены в интеллектуальную историю Франции. Так, Виктор Кузен в описании А. А. Кротова предстает как автономный французский мыслитель, что позволяет показать самодостаточность, право на автономию, завоеванную французскими интеллектуалами. В отличие от упоминаемой статьи И. И. Блауберг о Кузене, где обозначено влияние немецкой философии во Франции, сам автор не редуцирует идеи Кузена ни к Гегелю (о чем нет ни одного упоминания), ни к политическому контексту. Большую часть книги занимает анализ историко-философских концепций XX в. Это объясняется и наличием сегодня большего числа конкурентных историко-философских подходов, и стремлением к признанию плюралистичности современной панорамы истории философии.

В книге отсутствуют привычные классификации французской философии. Например, вместо предложенной В. Декомбом смены содержания философии в послевоенный период – переход от эпохи «трех Н» (Гегель, Гуссерль, Хайдеггер) к эпохе «трех властителей дум» (Маркс, Ницше, Фрейд), т. е. переход от феноменологии и экзистенциальной философии к марксизму и психоанализу. Вместо этой внешней и определяющей для современной французской философии схемы Кротов обосновывает академический взгляд на множество конкурирующих историко-философских концепций XX в. В первом параграфе, посвященном XX в., автор предпринимает попытку доказательства наличия единой историко-философской концепции у Бергсона. В творчестве самого Бергсона автор находит сосуществование двух тенденций историко-философского процесса, которые было невозможно совместить идеальным образом. Кротов описал причи-

ны несостоятельности бергсоновского подхода в связи с поставленной под вопрос онтологией в дальнейшем развитии истории философии (с. 258).

Католический модернизм рассматривается в монографии как культурное явление во Франции, представители которого в первую очередь анализировали социально-политическую и религиозную проблематику. Впервые католический модернизм представлен для отечественного читателя как направление, авторы которого ставили перед собой задачи осмыслить историко-философский процесс. С одной стороны, может показаться, что указанные авторы являются второстепенными героями французской истории философии, однако указание на ссылки на Эмиля Брейе, цитирующего Лабертоньера, демонстрирует, что для французских историков философии первой половины XX в. основополагающими источниками были книги, неизвестные российскому читателю.

Критикуя программу Лабертоньера, автор монографии указывает на важность этики в современной истории философии: «Важно понимать, какое практическое отношение к миру несет с собой то или иное учение, особенно если это отношение высказывается в завуалированной, имплицитной форме» (с. 272). Определение философии через культуру объясняет и позитивное отношение Кротова к моральному измерению «анализируемых историком философии учений» в концепции Лабертоньера, несмотря на то, что выявление «этикоцентристского ядра» не представляется Кротову неотъемлемой частью всех современных концепций.

Философская компаративистика Поля Массона-Урселя, автора труда «Сравнительная философия» (1923), представлена в рамках позитивистской тенденции. Ставится вопрос: «Правильно ли считать позитивизм предопределившим пути развития компаративистики?» (с. 273). Этот вопрос связан с научностью сравнительного метода в философских исследованиях. Сравнительная философия основана на истории, которая позволяет объективно изучать человеческий дух. История философских фактов и их интерпретаций позволяет построить позитивную философию. При этом, в то время как история анализирует разнородные факты в их отличии, сравнительная философия выявляет «постоянства» и «общности» ментальных структур.

Критикуя несистемность историко-философского понимания сущности философии у Брейе, автор дает еще одно определение философии – как рационализованного мировоззрения, «всегда претендовавшего на доказательность и определенного рода системность» (с. 319). Связь историко-философской теории с практикой, анализируемая философами середины XX в., находит в книге отражение в параграфах, посвященных Сартру и Альтюссеру. Этот пункт, несомненно, мог бы быть дополнен французскими социологическими теориями, анализирующими историю философии не как автономную область, но как часть социально и иерархически определенных взаимодействий философов. Но это была бы совсем иная философия истории философии, которая выносила бы в широком смысле политический контекст в качестве ключевого. В этом заключается одна из особенностей книги А. Кротова – рассматривать философские тенденции в контексте культуры, но не редуцируя их к социально-политическому ландшафту. Данная позиция соответствует указанной в Предисловии задаче анализировать философские трансформации в контексте философского самосознания трех последних столетий. Таким образом, монографию следует рассматривать как исследование философских тенденций в их автономии и без излишнего редукционизма.

Обращение к работам Сартра и Альтюссера демонстрирует, что философия в качестве практики выступает важным маркером историко-философской оценки. Автором отмечено, что, выделяя «три философии» (Декарта и Локка, Канта и Гегеля, Маркса) в качестве основания любой современной философской концепции, Сартр объявляет философию «горизонтом всякой культуры» (с. 323). Даже в философии Сартра наиболее важным моментом Кротов называет определение философии как «культурной среды эпохи», история которой требует анализа мировоззрения (с. 333). Кротов критикует Альтюссера, считает его подход несоответствующим реальному положению дел в философии. Это подтверждает саму позицию Кротова по отношению к определению философии как квинтэссенции культуры, которое, разумеется, не соответствует альтюссеровскому

определению философии как заместителя политики или «продолжения политики другими средствами» (с. 340).

Для того чтобы четко определить специфику историко-философского подхода Кротова, необходимо выявить определение сущности философии, которое становится основанием историко-философского анализа. Кротов делает упор на истории философии как самосознании философии, это подтверждается и отсылкой к определению философии как квинтэссенции культуры, сознания эпохи (с. 6), и определением задачи книги: «акцентировать внимание на специфике философского самосознания различных столетий» (с. 7). Такой подход к философии и определил специфику историко-философского анализа Кротова, допускающего анализ не только теорий, но и мировоззренческих позиций. Следует отдельно отметить критику автором эпистемологических разрывов и прерывность философии. Это видно на примере анализа Делеза, который критикует последовательность систем в философии.

Анализируя наиболее привлекательные для автора идеи современных философов, можно выявить существо историко-философского подхода А.А. Кротова. Из анализа концепции Геру можно вывести, что наиболее важным для историков философии являются сохранение автономного предмета философии и отказ от его сведения к внешним факторам. Безусловно, эта позиция импонирует автору, для которого важен прогресс философского знания. Также мы видим, что Кротовым критикуется позиция метафизической сущности философии и истории философии.

Для Кротова неприменима позиция согласия со смертью философии. Автор критикует историко-философский подход Ревеля, в том числе и с помощью идеи о жизнеспособности метафизики у Ф. Нефа: «Констатируя смерть философии, Ревель в действительности выносит приговор не ей самой, но лишь устаревшему представлению о ней» (с. 418). Опираясь на Рикёра, Кротову также удастся развернуть критику смерти философии и увидеть герменевтические основы историко-философских исследований. Для Кротова важен вопрос о судьбе метафизики, в том числе в виде постметафизической концепции, так как антиметафизическая направленность

философии не получила окончательного ответа. Обновленная метафизика и рассматривается в концепции Нефа.

Новейшие концепции Кротов относит к симптомам эпохи, которые отражают плюралистичность и противоречивость философии. Философия расширяет свою сферу за счет изменений, которые происходят в современной культуре. Антиредукционизм указывается автором как один из методологических компонентов исследований наших французских современников. И наиболее важным моментом здесь предстает следующий: «Сущность самой философии определяется через саму историю, которая таким образом оказывается путем к более глубокому пониманию современных проблем» (с. 461).

Для того чтобы реализовать задачу выявления закономерностей истории философии, автор монографии исходит из установки, что в каждую историческую эпоху меняется соотношение факторов (метафизические, политические, общекультурные), определяющих развитие философии. К элементам современного историко-философского подхода, которые обнаруживаются благодаря анализу методологических концепций, автор относит: представления о философии как изменчивом, незавершенном опыте, о нелинейности истории философии с чередованием единства и разорванности, об изменчивых элементах философского знания, о случайности в конструировании концепций, и в противоположность этому – о непрерывной возобновляемости философии и об общих ментальных структурах (с. 470).

В значительной мере монография представляет собой анализ современного состояния истории философии во Франции, предваряемый исследованием предпосылок истории философии как теории философского знания. Но автору удалось дать целостную картину развития интеллектуальной культуры во Франции с XVII по XXI в., философского и культурного самосознания, носителем и выразителем которого он справедливо рассматривает философию истории философии. Философия – это всегда система вопросов, вечных в своей основе, и ответов на них, в самых разных обоснованиях. Видимо, потому она и оказывает влияние на развитие ин-

интеллектуальной культуры, становится ее самовозобновляющимся основанием. Вместе с автором мы начинаем понимать, что история философии – не только конструктивный элемент философского самосознания, но и стержень интеллектуальной культуры, определяющий отношение к прошлому и закладывающий перспективы будущего. Главным и несомненным достоинством книги является то, что французская история философии предстает в ней не как простая смена философских концепций, а как концептуальная самооценка философии, остающейся со-бытийной ее культуре на всем протяжении исторического развития. В России подобных целей никто не ставил и не реализовывал.

Список литературы / References

Блауберг И. И. Философские путешествия Виктора Кузена (к истории рецепции идей немецкой философии во Франции в XIX в.) // Философские науки. 2013. № 11. С. 104–118.

Blauberger I. I. The philosophical journey of Victor Cousin (the history of the reception of the ideas of German philosophy in France in the XIX century). *Philosophy of Science*, 2013, no. 11, p. 104–118. (in Russ.)

Кротов А. А. Философия истории философии во Франции (проблема закономерностей в развитии интеллектуальной культуры). М.: Изд-во МГУ, 2018. 479 с.

Krotov A. A. Philosophy of the history of philosophy in France (the problem of laws in the development of intellectual culture). Moscow, Moscow State Uni. Publ., 2018, 479 p. (in Russ.)

Кротов А. А. Мальбранш и картезианство. М.: Изд-во МГУ, 2012. 320 с.

Krotov A. A. Malebranche and Cartesianism. Moscow, Moscow State Uni. Publ., 2012, 320 p. (in Russ.)

Рикёр П. История философии и единство истины // Рикёр П. История и истина / Пер. с фр. И. С. Вдовиной, А. И. Мачульской. СПб.: Алетейя, 2002. 400 с.

Ricker P. History of philosophy and unity of truth. In: Ricker P. History and truth. Per. from French by I. S. Vdovina, A. I. Machulskaya. St. Petersburg, Aletheia Publ., 400 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

15.04.2019

Сведения об авторах / Information about the Authors

Драч Геннадий Владимирович, доктор философских наук, профессор Южного федерального университета (пер. Днепровский, 116, Ростов-на-Дону, 344065, Россия)

Gennady V. Drach, Doctor of Science (Philosophy), Professor of Southern Federal University (116 Dneprovsky lane, Rostov on Don, 344065, Russian Federation)

gendrach@mail.ru

Шашлова Екатерина Игоревна, кандидат философских наук, доцент Южного федерального университета (пер. Днепровский, 116, Ростов-на-Дону, 344065, Россия)

Ekateriva I. Shashalova, Candidate of Science (Philosophy), docent of Southern Federal University (116 Dneprovsky lane, Rostov on Don, 344065, Russian Federation)

shashlova@rambler.ru